

Т.В. БАРЧУНОВА

НЕИСКУШЕННЫЙ ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ?¹

Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х томах: Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 1999.

Барчунова Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, доцент философского факультета Новосибирского государственного университета. Адрес: 630090 Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. Телефон: (383-2) 39-74-66. Электронная почта: barch@mail.nsk.ru

Автор выражает признательность Г.С. Батыгину, дополнившему рецензию комментарием нескольких словарных статей по проблемам математической статистики и истории науки.

Я вижу свою задачу в том, чтобы ответить на вопрос, является ли «Большой толковый социологический словарь» большим толковым социологическим словарем. Ответ на этот вопрос включает четыре части.

Является ли данное издание словарем? Согласно определению, словарь выполняет две функции: информативную (позволяет кратчайшим способом — через обозначения — приобщиться к накопленным знаниям) и нормативную (фиксируя значения и употребления слов, способствует совершенствованию и унификации языка как средства общения).

Выполняет ли рецензируемое издание информативную функцию? Приобщению к социологическим знаниям препятствуют прежде всего ошибочные переводы терминов, как входящих в словарь, так и используемых при толковании. Некоторые переводы делают термины совершенно неузнаваемыми и влекут за собой неточные интерпретации. Так, слово «survey» (обследование) (2, 256, и во многих других местах) переводится как «социальный обзор», что влечет за собой его ошибочное толкование как «всестороннего сборника данных и информации о людях, проживающих в определенной области или административной единице». Термин «questionnaire» (анкета) переводится как «опросные листы» (1, 524 и в других местах), термин «frame of reference» — как «сфера компетенции» (2, 313). Термин «sustainable development» переводится как «поддерживающее развитие» (2, 30). Надо заметить, что общепринятый перевод этого термина — «устойчивое развитие» также неудачен. «Artefact» (артефакт) переводится как «поделка или экспонат» (2, 31) при наличии стандартного научного эквивалента.

Некоторые предлагаемые переводчиками варианты узнаваемы, но являются отклонениями от общепринятых. «Sociology of knowledge» (социология знания) переводится как «социология познания» (2, 267), «comprehensive education» (общее образование) — как «всестороннее образование» (1, 100), «significant other» (значимый другой) — «существенный другой» (2, 312). В словаре фигурирует также «социальный конструкционизм» (1, 128), который, видимо, происходит от «социального конструктивизма» или «конструирования». Или, скажем, термин «cadre» переводится как «кадр» (1, 271), тогда как на самом деле это — «кадровый состав», что, впрочем, можно вывести из предлагаемого толкования. Вместо «православный» используется прилагательное «ортодоксальный» (1, 427), вместо «иудаизм» пишется «юдаизм» (1, 74), вместо «дионисийский» — «дионисианский» (1, 445), вместо «стигма» («стигматизированный») — «клеймо» («клеяемый») (1, 142—143), вместо «реификация» (или «овеществление») — «материализация» (1, 404), вместо «гипотетико-дедуктивный» — «гипотетически-дедуктивный» (1, 120), вместо «перлокутивный акт» — «перлокутионарное действие» (2, 23), вместо «типичные переменные» — «образцовые переменные» (1, 500) и др. Термин «economics» почему-то везде переводится как «политическая экономия» (политэкономия), включая такие случаи как «Лондонская школа политической экономии» (2, 51), «Кейнсианская политэкономия» (1, 282).

¹ Заглавие статьи подсказано переводом термина «sophisticated falsificationism», который в рецензируемом издании фигурирует как «искусшенный фальсификационизм» (1, 262, здесь и далее первая цифра указывает на номер тома, вторая — номер страницы).

«Традиционность» сочетается в переводе со смелыми опытами по созданию «неологизмов». Так, вместо понятия «институциональный» в рецензируемом издании систематически используется не существующее в русском языке прилагательное «институционный» (1, 75). А термин «institutional reflexivity» переводится как «установленная рефлексивность» (2, 374). В тексте встречается множество других неточных терминов и терминоидов, которые выполняют не менее важную функцию в конституировании научного дискурса.

В ряде случаев неточности интерпретации приводят к существенной концептуальной путанице. Такая путаница возникает, например, в связи с переводом терминов «frame» (рамка, или фрейм) и «frame analysis» как «структура» и, соответственно «структурный анализ» (2, 301). С этой статьей соседствует одноименная статья «структура» (structure) (2, 300), в которой сообщается, что «наибольшая критика термина [структура. — Т.Б.] исходит от теоретиков символической интеракции, социальной феноменологии и герменевтики». В связи с такой концептуальной контаминацией у читателя может возникнуть вопрос о том, как совместить критику понятия «структура» у символических интеракционистов и развитие ими «структурного анализа», иначе говоря, чем отличается структура от фрейма (рамки).

Распространенной стратегией перевода в словаре служит калькирование, которое в известном смысле облегчает расшифровку термина английского оригинала². Скажем, в термине «модисты» (1, 436) легко узнать слово «стиляги». «Первичный», «вторичный» и «третичный» секторы — это знакомые первый, второй и, соответственно, третий секторы экономики. Стюарт Холл определяется как «вест-индский» социолог (2, 425). Все это напоминает известный анекдот советского времени, как в паспорт была вписана национальность «индей» (вместо «иудей»). В рецензируемом издании встречаются и более курьезные кальки типа «классная интеракция» (1, 293) (classroom interaction), «презентные отношения» (1, 498) (gift relations). В некоторых случаях калькирование оказывается фатальным для понимания переводимого термина. Таков перевод «culture and personality school»: «школа и культуры индивидуальности», который уводит читателя от понимания того, что речь идет о подходе в культурной антропологии, при котором изучается взаимодействие между культурой и личностью.

Новым для меня оказался термин «бихевиорализм» (1, 57; 2, 30), который обозначен как эквивалент «поведенческого подхода». «Doomsday Book» (кадастровая книга, земельная опись Англии, проведенная Вильгельмом Завоевателем), которая авторами оригинального словаря считается одним из первых социологических обследований, переводится калькой «Книга светопрествления» (2, 256). В этом есть свой резон. В некоторых случаях, когда узуально принята калька, переводчик предпочитает давать свой собственный эквивалент. Таков термин «underclass» — «подкласс» (2, 31), более распространенным эквивалентом которого является калька «андеркласс» (также «низший класс»). В рецензируемом издании вводятся также «future shock» (футур-шок) — «будущий шок» (1, 64), «emergent properties» (эмерджентные свойства) — «возникающие свойства» (1, 94), «habitus» — «навыки» (1, 448). Некоторые случаи «декалькирования» терминов приобретают курьезный характер. В статье о гетеросексуальности говорится: «Такой взгляд [речь идет о концепции принудительной гетеросексуальности Дворкин. — Т.Б.] вызвал рост сепаратизма внутри феминистского движения и оспаривается теми феминистками, которые идентифицируют себя как *разнополюе*» (1, 117) (курсив мой. — Т. Б.).

Информативная функция рецензируемого издания оставляет желать лучшего из-за некачественной системы ссылок на источники, вернее, отсутствия такой системы. Практически в каждой статье словаря содержится указание на наиболее важные работы по теме статьи. Скажем, в статье, посвященной Питеру Блау, указывается его работа «Обмен и власть в общественной жизни» (1, 58). Однако библиографическое описание произведения отсутствует; соответственно, у читателя отсутствует возможность уточнить оригинальное заглавие книги и другие библиографические сведения. Поэтому приходится довольствоваться интерпретациями заглавий, предлагаемых в рецензируемой работе. Скажем, у Пола Фейерабенда есть сочинение «Наука в свободном обществе», которое в словаре фигурирует под заглавием «Гишина в свободном обществе» (2, 384). Впрочем, искушенный читатель сможет разгадать первое слово заглавия по созвучию слов science — silence. Заглавие сочинения П. Бурдьё «Различие» (Distinction) угадывается через синонимический ряд в русском переводе «Отличие», а заглавие его монографии «Основы теории практики» легко выводится из предложенного переводчиком — «Основа теории и практики». Еще проще понять заглавие другой работы П. Бурдьё «Гомоакадемикус» (1, 67). Гораздо хуже обстоит дело с приведенной в словаре работой Бурдьё «Школа как консервативная сила» (1966), которая почему-то не числится в списке трудов П. Бурдьё за 1966 год [1].

Еще сложнее обстоит дело с теми работами, которые фигурируют в данном издании под разными заглавиями. Скажем, книга «Первобытное мышление» Клода Леви-Стросса в одном месте фигурирует как «Дикое мнение» (1, 63), а в другом как «Дикий разум» (1, 366). Работа одного из основоположников либеральной теории Джона Стюарта Милля в одной статье называется «На свободе» (2, 385), в другой — «О свободе» (1, 425). В некоторых случаях составители английского оригинала вообще не указывают заглавия, а дают сокращенную ссылку (автор, год издания), предполагая, что читатель может сам сориентироваться в

² Переводчик издания создает, по-видимому, редкий случай обратной кальки. Вместо английского слова effectiveness он образует по аналогии с русским языком слово «effectivity» (2, 500). Однако это лишь предположение, поскольку я не располагаю английским оригиналом словаря.

библиографическом списке. В этом случае в русской версии информационное значение ссылки вообще равно нулю, а иногда является величиной отрицательной. Приведу пример последнего случая. Это выдержка из статьи «Теория конфликта»: «Если некоторые версии теории... были марксистскими и испытывали влияние марксизма, другие разрабатывались на более эклектической основе, например, на работах Зиммеля (Льюиса Козера, 1956)...» (2, 329). Неискушенный читатель может подумать, что речь идет не об известном последователе Георга Зиммеля, а о неизвестной латиноамериканской исследовательнице Льюисе Козэре.

Другим типичным случаем дезинформации является ситуация, когда в оригинальном словаре дается ссылка на переиздания (переводы), а не на год первой публикации или создания произведения. В некоторых случаях это очевидно. Многие догадываются, что первый том «Капитала» Маркса не мог быть создан или опубликован в 1976 году, как следует из ссылки на с. 352 (2 том). Однако если хронологический контраст не столь значителен, то степень дезинформации возрастает. Таким примером является ссылка на знаменитый «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна в виде: «*Tractatus Logico-Philosophicus*» (1923) (1, 83). Для того, чтобы продемонстрировать некорректность ссылки, приведу выдержки из истории напечатания этого труда. В статье Нормана Малькольма в восьмитомной «Философской энциклопедии» под редакцией Пола Эдвардса указывается: «Витгенштейн был озабочен тем, чтобы его книга *Logisch-philosophische Abhandlung* была напечатана немедленно. Вскоре после своего возвращения из [итальянского. — Т.Б.] плена и возвращения в Вену, в августе 1919, он предложил ее издателю. <...> Немецкий текст был опубликован в 1921 году в *Annalen der Naturphilosophie* Вильгельма Оствальда. А в следующем году он был опубликован в Лондоне с параллельным английским переводом под названием *Tractatus Logico-Philosophicus*» [2]. Информативная функция рецензируемого издания ослаблена еще и тем, что в нем применяются некорректные пометы (например, выражение *Laissez faire* сопровождается пометой «прил.» (2, 210) и неаккуратно соблюдаются принятые в справочных изданиях перекрестные ссылки. Так, не все слова, выделенные курсивом в рамках отдельных статей, как это принято в справочных изданиях, входят в словник. Приведу некоторые примеры: «сестричество», «разногласия» (1, 156), «досужий класс» (1, 78), «молчаливое знание» (2, 71).

Может ли данное издание выполнять нормативную функцию? Судя по множеству неправильных вариантов перевода и искаженных заглавий нормативную функцию издание не выполняет. В тексте нередко встречаются и грамматические ошибки. Наиболее распространенный тип ошибок — отсутствие согласования, имеются ошибки и в падежных окончаниях. По иронии судьбы такая ошибка содержится в статье о грамматической концепции Н. Хомского «Глубинная и поверхностная структура» (1, 124). На суперобложке рецензируемого издания говорится, что оно будет высоко оценено «всеми, кто изучает английский язык, поскольку помещенные в нем термины имеют английский эквивалент». Количество ошибок в «английских эквивалентах» делает этот тезис весьма сомнительным. Воздержусь от повторения ошибочных написаний, а лишь укажу, в каких словах допущены ошибки: *agrobusiness* (1, 17), *contingency* (2, 337, 339), *response* (1, 532), *nomads*, *transhumans* (1, 333), *urban managers* (1, 132), *management* (1, 503), *entrepreneurship* (2, 73), *dominance* (2, 73), *femininity* (1, 208), *demographic* (1, 167), *downward mobility* (1, 481), *human-centered* (2, 442), *reality* (2, 504), *bearer* (1, 496), *continuous* (1, 475), *label* (1, 543), *literary* (1, 500), *metanarratives* (1, 78), *paradigmatic* (2, 201), *psycholinguistics* (2, 113), *psychohistory* (2, 113), *philosophy* (1, 374), *standard* (2, 290, 2, 373), *symbolic interactionism* (2, 198), *suffragette* (2, 312), *taking* (2, 370), *totalitarianism* (2, 354), *transformational* (2, 359), *transcendental* (2, 359), *value* (2, 434), *pyramid* (2, 26), *tribe* (2, 28), *obsolescence* (1, 216). Ошибки встречаются также в некоторых латинских, немецких и французских инклюзиях. В некоторых случаях орфографические ошибки приводят к прямому нарушению смысла. Так, вырождающиеся («*degenerating*») научно-исследовательские программы превращаются в генерирующие («*generating*») (2, 88). Еще более сложный случай нарушения орфографии наблюдается в серии статей о смещении (*bias*) (2, 209). В двух статьях вместо «*bias*» дается не существующее в английском языке слово «*fias*» («смещение» и «смещение интервьюера»), а в третьем случае (в статье «смещенная выборка») — также не существующее в английском языке слово «*beased*». Это, пользуясь выражением переводчика словаря, «случай парадигмы» (2, 6) (то есть парадигмальный случай) «смещения». Особенно многочисленны ошибки в английских или русских написаниях имен или фамилий. Перечислим их³. Айзенк (2, 113), Башляр (1, 47), Бурдьё (1, 67), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1, 107), Гадамер (1, 104), Энтони Гидденс (2, 59), Элвин Гоулднер (1, 141), Р. Докинз (1, 24), Дарвин (1, 152) (а также дарвинизм), Элвин Тоффлер (1, 65), Лайель (1, 154), Киркегор (2, 469), Корбюзье (2, 267), Мейн (1, 447), Мао Цзе-дун (1, 387), Лиотар (1, 375), Мерло-Понти (1, 412), Ирвин Гоффман (1, 142), Ролз (2, 171, 331), Сепир (2, 509), Серль (2, 70), Смелзер (1, 92), фон Вригт (2, 71), Руссо (2, 172), Хейзинга (2, 517), Хоторн (2, 456), Теннис (2, 351), Шанин (1, 338), Элштайн (2, 440). О том, кто скрывается под некоторыми именами, иногда приходится думать. У меня есть основания предполагать, что под «Мейсинтаэром» (2, 524) скрывается Макинтайр. Возможно, у другого читателя возникнут другие предположения. Полу Лазарсфельду и Полу Фейерабенду переводчик возвращает имя «Пауль», которое было дано им при крещении в родной Австрии. Интересной жизнью живет в рецензируемом издании сэр Карл Поппер, который в одном месте выступает под своей собственной фамилией (2, 51), а в другом — под псевдонимом Пеппер (2, 381), который, правда, легко расшифровывается из контекста. Чего нельзя сказать обо всех «фигурантах» словаря. Так, Ноам Хомский

³ В тех случаях, когда в списке фигурируют и фамилия и имя, ошибка допущена в имени.

шифруется как Чомский Аврон Ноам (2, 447), Деррида (2, 83), Лиотар, Мейн (2, 294) почему-то выдаются за неодушевленные предметы. Особенно сильно маскируются теоретики современного феминизма. Элен Сиксу присвоена кличка «сикса» (1, 208) или СИКС (1, 237)⁴, вариант — Елен Сикс (2, 388), Юлия Кристева фигурирует как «кристева» (1, 208). Зато известная черная феминистка, которая пишет под псевдонимом белл хукс (bell hooks), зачем-то превращена в некую Хукс (1, 156), С. де Бовуар — в «де Бовуа» (1, 445, 412). А некий критик концепции двух «волн» в феминизме законспирирован как Сара (1982). Известный теоретик лесбиянства Адриен Рич, настаивающая на том, что «политическое лесбийство — это «гораздо больше чем сексуальные предпочтения, это — политическая позиция», у составителей русской версии словаря в одном месте фигурирует как мужчина (1, 370), в другом — как женщина (1, 116). Приведу также некоторые примеры нарушения синтаксических норм русского языка. Так, нетрадиционная медицина определяется как «лечебная практика, основанная на знаниях человеческого организма, протекания болезней и их лечения, *которые* отличаются от утвердившихся в западной научной медицине» (1, 476) (курсив мой. — Т.Б.). Возникает вопрос: что от чего отличается? Или, возьмем определение теории общественного договора: «теория происхождения и/или существующей основы государства, в своей самой простой форме считающая, что государство является результатом «договора», в котором каждый член отказывается от своих собственных «естественных прав» *взамен на* новые права согласно закону» (2, 330) (курсив мой. — Т.Б.). Итак, несмотря на некоторые атрибуты словаря (расположение статей в алфавитном порядке, словарные пометы, наличие перекрестных ссылок), рецензируемое издание ни информативную, ни нормативную функцию в полном объеме выполнять не может и потому отнесение его к категории словарей весьма сомнительно⁵.

Является ли рецензируемое издание социологическим? Понятие «социологический» может здесь трактоваться так: содержание статей может быть полезно социологам или тем, кому нужна справка о значении социологических терминов. Однако я как начинающий социолог пользоваться рецензируемым изданием не могу в силу его ослабленной нормативной и информативной функции. Скажем, в статье, посвященной символическому интеракционизму (2, 199), содержатся два противоречащих друг другу тезиса: «значения «возникают вне социальной интеракции» и «для символических интеракционистов значения «не проживают в объекте», а возникают из социальных процессов». Но если в случае противоречий в дискурсивном материале я могу обратиться к контексту, то при работе с фактическими данными я оказываюсь в гораздо более сложной ситуации. Скажем, является ли указанный в рецензируемом издании «Валлерстайн Иммануил (Wallerstein, Immanuel)» (1, 72) и упомянутый в учебнике Дж.Л. Томпсон и Дж. Пристли «Социология» [3] Иммануил Валленштейн (с. 430) одним и тем же лицом или разными? Или, например, каковы на самом деле даты жизни Т.Х. Маршалла, который, согласно рецензируемому изданию, родился в 1893 году и умер в 1981 (1, 398), а согласно русской версии «Социологического словаря» Н. Аберкромби, Ст. Хилла, Б. Тернера [4], родился в 1873, а умер в 1982 (с. 161)? Таким образом, я могу пользоваться только тем материалом рецензируемого издания, который мне доподлинно знаком. (Что само по себе порождает абсурдную ситуацию: если материал знаком, зачем мне словарь?) В этом смысле моя стратегия пользования данным изданием заключается в «преобразовании знаков и значений... первоначально неизвестных или незнакомых, в известную и знакомую их совокупность» — см. статью «Перевод» рецензируемого издания (2, 16). Так, высказывание П. Фейерабенда «Единственное универсальное правило в науке — это то, что «что-нибудь происходит» я перевожу как: «Единственное универсальное правило в науке — это то, что «все годится» (или «все дозволено»)» (2, 385). Для того, чтобы пользоваться данным изданием, надо знать «язык социологии» (и языки философии и политической теории) и уметь переводить тексты статей на язык социологии (философии и политической теории). Вряд ли кто-нибудь сумеет разгадать определение «парадигмы»: «Тот или иной пример либо показательный случай концепции и теоретического подхода, например, резюме Мертона (1949), иллюстрирующее дискуссию о силе и западнях функционального анализа в социологии». Искушенный в истории британского Просвещения читатель без особого труда распознает в слове «паноптикум» бентамовский проект совершенной тюрьмы «Паноптикон», но даже неплохая подготовка в математической статистике не гарантирует опознавания слова «кси-квадрат» (рядом с «кси-квадратом» в скобках можно видеть непонятный знак χ^2 —своеобразная математическая запись хи-квадрат критерия?). Слово «пи-график» образовано от английского «pie-graph» и означает круговую диаграмму (в виде нарезанного пирога). Заинтересовавшийся «параметрической статистикой» обнаружит в словаре следующее определение: «Инференциальная статистика, учитывающая, что население, из которого была сделана выборка, обладает специфическими формами, т.е. включающая гипотезы о параметрах населения». Здесь не поможет никакая математическая подготовка. Зато превращение Пирсона в единицу измерения («производное значение пирсона») не вызовет удивления, равно как и экзотическое определение «репрезентативной выборки»:

⁴ Приведу контекст использования этой «клички», чтобы показать, что только человек, знакомый с понятием, о котором идет речь, способен разгадать, к кому она относится: «Понятие [инаковость. — Т.Б.] играет важную роль у Фрейда и Лакана и по-разному используется у других авторов, например, в оценке ориентализма Сейдом, концепции «женского» СИКСА» (капитализация оригинала. — Т.Б.) (1, 237).

⁵ В данной рецензии указаны далеко не все замеченные мной неточности и ошибки, а также нарушения принципов построения справочных изданий.

«Выборка, которая является (или считается) истинным отражением родительской популяции». Поэтому «тем, кто начинает изучение» социологии самостоятельно или в учебных заведениях» (см. текст на обложке), данное издание рекомендовать не следует, поскольку они рискуют усвоить недостоверную информацию. В рецензируемом издании содержится и достоверная информация, но только специалист может отличить ее от недостоверной. Я сомневаюсь, что подобное «пособие по переводу и идентификации корректной информации» можно считать социологическим.

Является ли рецензируемое издание толковым? Обратимся к статье «толкования» в самом издании. В ней, как и во многих других, содержится ошибка. Латинское причастие «*explanans*» переводчик прочитал как английское существительное во множественном числе «*explanants*», которого в языке пока не существует, и которое он (или она) перевел как «толкования». Итак «толкования — это объяснение, особенно на формально дедуктивном основании, частного случая или общего явления» (2, 353). К сожалению, многие толкования в рецензируемом издании этому критерию не соответствуют. Возьмем, скажем, такое высказывание, относящееся к концепции Ирвина Гоффмана: «Критика гоффманской социологии отзывалась о его «демоническом отделении», которое населено акторами, «лишенными индивидуальных качеств» и которое изображает общество как «большой обман». Однако, даже если подход Гоффмана не может представлять людей в цикле, его социология обладает большой силой, не в последнюю очередь благодаря непрерывному введению многих чувствительных понятий, положительно принятых другими социологами» (1, 142). Некоторые «экспланантсы» несут в себе внутреннее противоречие, которое не разрешается с помощью контекста. Такова характеристика подхода психоаналитика Мелани Кляйн: «Под влиянием теории «объектных отношений» Карла Абрахама она идентифицировала мать как первичный объект, воспринимаемый в единстве с младенцем, но постепенно становящийся отдельным. Это изменение Кляйн, сосредоточенная на возникающих у младенца врожденных силах, считает источником беспокойства и депрессии, что противоречит позиции неофрейдистов» (1, 303) (курсив мой. — Т.Б.). Возникает вопрос: если «силы» врождены, то как они возникают? Не говоря уже о том, что речь, видимо, идет не о силах, а о способностях (*powers*). Наряду с «экспланантсами», которые просто обескураживают, в рецензируемой книге можно найти определения, которые воспринимаются как политически некорректные. Таков перевод статьи «*queer theory*» («странная» теория», или «квир-теория» (И.С. Кон)). Создатели русской версии словаря переводят этот термин, относящийся к переосмыслению «нетрадиционной сексуальности» как «теория извращения» (2, 329). В соответствии с этим переводом термина находится и его «интерпретация». Поскольку я не располагаю английским оригиналом и не могу предложить своей интерпретации данного термина, то я просто предлагаю читателю попробовать понять смысл термина, исходя из данного текста. Мне это не удалось. Попытка авторов оригинала сделать издание политически корректным путем опубликования статей о правах человека, разных видах дискриминации и борьбы с ней, а также насыщения этой проблематикой других статей (скажем, обсуждение дискриминации женщин в статье «*peasants*» (1, 340), в рецензируемом издании эта статья названа «крестьяне») сводится на нет некоторыми предложенными в переводе словаря «экспланантсами». Скажем, о движении за освобождение женщин в рецензируемой книге говорится, что оно «не придерживается твердых принципов» (1, 156). Или такое стилистическое решение в статье, посвященной феминизму: «...Сибистайн (1978) выявила свыше десятка политических тенденций внутри феминизма в диапазоне от либеральной позиции равноправия до требования женского *верховенства*» (2, 386—387) (курсив мой. — Т.Б.). Насколько я могу реконструировать смысл оригинальной статьи на основании предложенного перевода, речь идет не о желании «верховенства» со стороны женщин, то есть власти ради власти, власти ради доминирования, а о воспитании женщин-лидеров для отражения интересов женщин в социальной и международной политике. Итак, в рецензируемом издании встречаются «экспланантсы», которые позволяют говорить о том, что в концепцию русского варианта словаря заложено весьма специфическое понимание толкования, видимо, не совпадающее с общераспространенным. Так что рецензируемое издание назвать «толковым» можно лишь с некоторыми оговорками.

И, наконец, является ли рецензируемое издание «большим словарем»? Во-первых, перевод словаря по своему объему фактически меньше оригинала, поскольку в нем отсутствует список цитируемой литературы, который, по-видимому, есть в оригинале. Во-вторых, авторы оригинала «большим» его не называют. На титульном листе оригинала значится: «*Collins Dictionary of Sociology*». В-третьих, относительный объем рецензируемого издания по сравнению с другими справочниками невелик (67 печатных листов при тираже 10000 экз.). Скажем, общий объем Большого англо-русского словаря (под ред. И.Р. Гальперина) составляет 177,5 печатных листов при тираже 100000 экз. Эти данные свидетельствуют о том, что рецензируемое издание не является «большим» словарем. Итак, если на все поставленные вопросы, можно ответить отрицательно, то есть не считать рецензируемое издание большим толковым социологическим словарем, то как же тогда квалифицировать этот тип публикации? Можно ли его при десяти тысячном тираже отнести к новому модусу рукописных форм хранения информации (переписчик рукописи всегда вносил много новшеств)? Можно ли его относить к новой форме самиздата? К симулякрам постмодерна? Или, может быть, это новая форма наивного письма — «наивный перевод»?⁶ Кроме основного

⁶ Другим образцом такого «наивного перевода» можно считать перевод книги Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [5]. «Наивный» переводчик не догадывается о том, что, скажем, в рамках одного текста должно

вопроса, на который я пыталась дать аргументированный ответ в рамках этой рецензии, характер анализируемого издания ставит много других вопросов, которые, как это ни удивительно, по своей дисциплинарной соотнесенности совпадают с кругом дисциплин, охваченным в словаре Collins. Это вопросы философского, социологического, политологического, психологического, антропологического (этнографического) и даже статистического порядка: вопросы, касающиеся нормативного регулирования науки как института; авторских прав; политической корректности; соотношения между информативной и нормативной функциями печатной продукции; национальной традиции справочно-библиографических изданий; вопросы социально-психологического свойства, типа доверия к печатному слову и др. Как, скажем, отнеслась бы Х. Хартманн, если бы узнала, что ее хрестоматийное высказывание относительно неудачного брака между феминизмом и марксизмом, приписывается некоему Гартману (2, 387)? Кто и какую ответственность несет перед издательством Collins, предоставившим право на перевод и рассчитывающим на адекватную интерпретацию оригинала? Иначе говоря, кто несет ответственность за «неискушенный», или иначе говоря, безыскусный фальсификационизм (2, 262), образцы которого легко найти в рецензируемом издании? Критиковать рецензируемый текст не имело бы смысла, если бы допущенные в нем неточности и искажения информации были уникальным событием. Примеры подобного отношения к переводам иностранной литературы и к справочному аппарату отечественных изданий встречаются все чаще⁷. Недавно мне попался в руки перевод французского социологического учебника, где вместо термина «брак» использовалось слово «свадьба». В уже упоминавшемся выше учебнике «Социология» Дж. Томпсон и Дж. Пристли при обилии цитат из разного рода источников также, как и в рецензируемом издании, нет библиографического списка. Сомнительно, чтобы он отсутствовал в тексте оригинала, поскольку это не популярная брошюра, а учебник. Но даже если он отсутствует в оригинале, издателям учебника имело бы смысл снабдить его справочным аппаратом. И хотя перевод текста в целом выполнен вполне квалифицированно, в нем встречаются те же недоработки: терминологическая небрежность, неточность в названиях, сомнительные интерпретации. Что бы сказала та же Х. Хартманн, если бы узнала, что она была «среди тех феминисток, которые в конце 70-х годов ввели идею патриархата в споры об отношении между хозяйственностью и капитализмом» (с. 338) (курсив мой. — Т.Б.)? Создание словаря при неустоявшейся терминологии и при потребности инноваций, которые ощущают современные исследователи, — дело чрезвычайно сложное. Попытка создания справочного издания, которое отвечало бы этим нуждам, безусловно, заслуживает одобрения. Но, как, например, быть в ситуации, когда не существует единообразного транскрибирования и склонения некоторых имен и фамилий; однозначного ударения (дИскурс — дискУрс); общепринятого эквивалента для таких широко используемых терминов, как «grounded theory», «attitudes», «actor», «agency», «subjectivity», «participant observation», «community», «modernity» («modern») и др.? Или, как относиться к обыкновению при переводе делать ссылки не на текст оригинала или на его русский перевод (если он имеется), а воспроизводить ссылки по переводимому изданию. Например, в уже упоминавшемся русском переводе «Социологического словаря» Н. Аберкромби, Ст. Хилла, Б. Тернера вся библиография скопирована с английского оригинала и даже ссылки на русские источники (например, работы П. Сорокина, В. Ленина) делаются по переводам их работ на английский язык, не говоря уже об иностранных источниках, имеющих в русском переводе. В действительности же проблема «русификации» ссылок относится к более общей проблеме адаптации переводимого текста к аудитории и культуре. Решение этой проблемы требует времени и квалификации. Потребность в отечественных справочных изданиях и переводах зарубежных популярных словарей, вроде «Социологического словаря» издательства Collins, очевидна. Отвечая этой потребности, переводчик словаря и другие участники издательского коллектива проделали большой труд. Остается надеяться, что их труд, а также мой скромный опыт анализа рецензируемого текста будет учтен при переиздании этого «одного из самых фундаментальных социологических словарей, которые когда-либо издавались в России» (из аннотации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. London: Polity Press, 1996. P. 274.
2. The Encyclopedia of Philosophy / Ed. by P. Edwards. Vol. 8. New York: MacMillan; London: Simon&Schuster and Prentice Hall Int., 1996. P. 328.

выдерживаться терминологическое единообразие. В противном случае, читатель может подумать о том, что «легитимация знания» и «легитимация» преподавания — это разнопорядковые феномены (содержание, ср. также вариант этого понятия на с. 13 — словосочетание «легитимитующие дискурсы»). Он также не догадывается, что нужно следить за грамматическими согласованиями («Никакой консенсус не может быть *показатель истины*...») (5, с. 64); «Мы не смогли бы судить ни о существовании, ни о *ценности нарративное*...»). Он также не догадывается о существовании на русском языке сочинений Декарта, Остина, Поппера, Трубецкого, Фреге и др.

⁷ Скажем, в очень полезном учебнике В.А. Ачкасова, С.М. Елисеева, С.А. Ланцова [6] искажаются фамилия автора и название одного из основных источников, которыми оперируют авторы: книга Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма» (Arendt H. The Origins of Totalitarianism). Неверно дано название основополагающего труда Ю. Хабермаса (The Theory of Communicative Action) и его фамилия (с. 20). Энтони Гидденс фигурирует как «Giddens W». Если в данном издании на одной странице со ссылками 14 печаток (6, с. 46), то естественно возникает вопрос: можно ли доверять остальным ссылкам?

3. *Томпсон Дж. Л., Пристли Дж.* Социология. М.: ООО «Издательство АСТ»; Львов: Инициатива, 1998.
4. *Аберкромби Н., Хилл Ст., Тернер Б.* Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского университета, 1997.
5. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 1998.
6. *Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект-пресс, 1996.